

Для цитирования: Тихонова, С. В. Цифровая эпистемология в социальной философии / С. В. Тихонова, Д. В. Мельничук // Социум и власть. — 2026. — Т. 23, № 1. — С. 115–128. — EDN VRHFTV.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

EDN VRHFTV
BAK 5.7.7
УДК 101.8 + 303.01

ЦИФРОВАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Тихонова Софья Владимировна,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского,
профессор кафедры теоретической
и социальной философии,
заведующий учебно-научной лабораторией
«ЦИФРА»,
доктор философских наук, доктор юридических
наук, профессор.
Саратов, Россия.
SPIN 3813-6641
ORCID 0000-0003-2487-3925
Scopus 57191089147
Researcher 2386-2016
E-mail: segedasv@yandex.ru

Мельничук Дмитрий Вадимович,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского,
доцент кафедры теории функций
и стохастического анализа,
кандидат физико-математических наук.
Саратов, Россия.
SPIN 6699-7775
ORCID 0000-0002-6689-8904
Scopus 57194535264
Researcher 4784-2024
E-mail: mlnchkdv@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья рассматривает цифровую эпистемологию как фактор трансформации социальной философии в условиях алгоритмизации знания и платформенной организации социальности. Цифровые технологии изменяют не только формы производства и верификации знания, но и условия социального бытия, в рамках которых знание приобретает нормативную силу. Алгоритмы, базы данных и сетевые инфраструктуры выступают как эпистемические посредники отбора, ранжирования и легитимации, что смещает исследовательский фокус от классических категорий субъекта, действия

и института к распределенным эпистемическим процессам и гибридным агентностям. На этой основе проблематизируется граница между социальным и техническим и уточняется роль вычислительных процедур в формировании режимов видимости, релевантности и доверия. **Целью** статьи является демонстрация того, как концепт цифровой эпистемологии переопределяет предмет и метод социальной реконструкции и, раскрывая алгоритмическое посредничество как условие современного знания и социальности. **Материалы и методы.** Исследование основано на аналитико-теоретической реконструкции и критическом обзоре позиций философии науки, социальной философии и медиафилософии относительно алгоритмической рациональности, *data-driven* подходов и цифровой философии. Используются методы концептуального анализа, сопоставления аргументов и выявления имплицитных нормативных предпосылок цифрового знания.

Результаты. Установлено, что *data-driven* практики усиливают смещение от причинного объяснения к коррелятивным зависимостям и требуют новых критериев осмысленности и ответственности знания. Делается вывод о необходимости для социальной философии анализировать алгоритмы как элементы социальной онтологии и как методические инструменты, сохраняя критическую рациональность, контекстуализацию и этическую подотчетность цифровых процедур.

Обсуждение. Трансформация субъекта описывается через модель гибридной когниции, где человеческая интерпретация, метакогниция и внелогичность открытия остаются условиями понимания, тогда как алгоритмы задают инфраструктурные режимы социальности. Техногенез философии раскрывается как переход от письма к алгоритмам, меняющий формы философской рефлексии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

цифровая эпистемология,
социальная философия,
алгоритмическая рациональность,
гибридная когниция,
научный метод,
data-driven наука,
цифровая философия,
социальная онтология

ФИНАНСИРОВАНИЕ

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03014, <https://rscf.ru/project/25-28-03014/>».

ЗАЯВЛЕННЫЙ ВКЛАД АВТОРОВ

Авторы участвовали в разработке концепции исследования, сборе, обработке и анализе данных, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Введение

Цифровизация непрерывно меняет условия социального бытия, к которым относятся и способы производства знания, включая механизмы его конституирования и включения в нормогенез. Все более возрастающая роль этих процессов, описываемых с помощью концепта цифровой эпистемологии, в социальном воспроизводстве позволяет поставить вопрос о глубинной трансформации современного формата социальной философии. Цифровая эпистемология может быть определена как анализ производства, верификации и циркуляции знания в среде алгоритмов, баз данных и сетевых инфраструктур. В ее контексте классические для социального познания категории социального субъекта, социального действия и социального института вытесняются категориальными рядами анализа распределенных эпистемических процессов и гибридных агентностей. Это вытеснение происходит не только в познавательном контексте, оно наблюдается повсеместно в социальном контексте. В цифровом обществе социальные интеракции осуществляются на основе цифровой инфраструктуры таким гибридным образом, что разграничить социальное и познавательное можно только умозрительно.

Трандисциплинарное размывание отраслей и разделов научного знания началось еще в прошлом веке, сама постепенная замена гносеологической проблематики эпистемологической была ее симптомом. Институализированное, специализированное и профессионализированное познание не объяснимо с позиций классической гносеологии, ориентированной на исследование структур познающего субъекта, эпистемические практики требуют более широкой с точки зрения социального рамки, обнажая коллективное в познание, лежащее в основе установления критериев истинности и процедур их применения. Социальная эпистемология становится широким мостом между философией науки и социальной философией, который перманентная информатизация и перевела в формат цифровой эпистемологии.

Если познание объяснять с позиций доцифровой социальной философии, от оно окажется производным от социальных структур (социальные институты науки и системы образования) или будет интерпретироваться как функция intersubъективных практик коммуникации (социальное знание в социальном конструктивизме). Однако цифровая среда вводит в социальную онтологию новые типы акторов, которые ранее относились к разряду объектов. Цифровые актанты не просто генерируют медиареальность, в которой и через которую человек сегодня познает мир, они выполняют эпистемические функции отбора, ранжирования и валидации знания, влияя на

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании данной статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Статья поступила: 23.12.2025

Рецензии получены: 12.02.2026

Принята к публикации: 20.02.2026

Права: © Тихонова С. В., Мельничук Д. В. (2026).

Опубликовано Челябинским филиалом РАНХиГС. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

получаемое знание более глубоко и тонко, чем доцифровая техника, включая научные приборы. Как отмечает Е.А. Алексеева, компьютерная эпистемология «не просто использует компьютерные инструменты, но меняет сам способ философского мышления», поскольку цифровые технологии включаются в структуру эпистемической рефлексии как методологически значимый компонент [1, с. 89].

Для социальной философии это означает, что социальные отношения все чаще опосредуются не только символическими формами и институтами, но и вычислительными процедурами. Социальная реальность оказывается частично сконструированной через алгоритмические операции, которые обеспечивают социальным субъектам режим присутствия в социальном. Не случайно в теориях цифровой социальности широко востребованы концепты типа «включенности» и «коннективности». В этом смысле цифровая эпистемология подталкивает социальную философию к пересмотру представлений о социальном знании как результате преимущественно коммуникативного согласования. Многоагентные модели, анализируемые в рамках компьютерной эпистемологии, демонстрируют, что коллективные убеждения могут формироваться как результат формализованных взаимодействий между агентами, где рациональность и доверие задаются параметрами модели, а не только социальными нормами.

Особое значение для социальной философии имеет тезис о том, что в цифровой среде меняется эпистемический статус научного и социального знания. В современных исследовательских практиках компьютер выполняет не только функции калькуляции, хранения и распространения информации, он позволяет управлять системными процессами ее создания и организации, причем его роль управления социальной активностью симметрична происходящему в науке. Для социальной философии трансформация компьютера из инструмента в ассистента означает необходимость учитывать алгоритмическое посредничество как активный элемент производства знания и социального воспроизводства в целом.

Цифровая эпистемология обостряет проблему объяснения и понимания в социальном знании. Распространение *data-driven* подходов и предсказательных моделей машинного обучения смещает акцент с причинно-следственных интерпретаций на коррелятивные зависимости. Следствием становится размывание связки критики, рефлексии и нормативной оценки, использовавшейся социальной философией в XX в. для формирования собственных объяснительных схем. В цифровой науке, как отмечает Платонова, выявленные на основе больших данных взаимосвязи становятся «не конечным этапом научного исследования, а исходным пунктом» для дальнейших интер-

претаций и гипотез [8, с. 1630], что требует от социальной философии новых критериев осмысленности и ответственности знания.

Наконец, цифровая эпистемология принципиально видоизменяет социально-философскую проблематику субъекта. Если в классических и неклассических моделях субъект мыслился как носитель рациональности и ценностных установок, то в цифровой среде он всегда включен в гибридные когнитивные ансамбли, где границы между человеческим и машинным размываются. Гибридная онтология требует переосмысления свободы, ответственности и автономии как социальных категорий. Поэтому цифровую эпистемологию нельзя свести к локальному направлению философии познания: она переходит в социальную плоскость, в которой начинает действовать как фактор трансформации социальной философии в целом. Так формируется современный подход к обществу как эпистемически и технологически опосредованной реальности, в которой знание, власть и социальные связи все в большей степени формируются алгоритмически.

Введение цифровой эпистемологии в проблемное поле социальной философии требует систематического анализа как новых форм рациональности, так и пределов алгоритмического познания, чем и определяется цель статьи. Ее реализация будет опираться на коммуникативный подход в социальной философии.

Алгоритмическая рациональность и трансформация научного метода

Концепт цифровой эпистемологии опирается на тезис о смене постклассической научной рациональности рациональностью алгоритмической. Алгоритмическая рациональность науки является разновидностью социальной алгоритмической рациональности, в которой социальная активность цифровых машин легитимизируется через новую идеологию. Дж. Руово показывает, что убеждение в «алгоритмической объективности» является продуктом идеологии цифрового капитализма [24], т. е. оно связывает и науку, и общество в едином идеологическом проекте, который, однако может маскировать весьма сомнительную аксиологию. Крупные технологические корпорации продвигают миф о нейтральности алгоритмов, скрывая их ограничения и встроенные предубеждения. Такая вера порождает у общества «дефицит рефлексии», сводящуюся к неспособности критически осмыслить, кто и как формирует знание. Алгоритмические системы предстают как беспристрастные судьи, что мешает увидеть в них инструменты власти и бизнеса. Руово призывает к критической этике цифровой эпохи, способной вскрыть идеологический характер представлений об алгоритмах и вернуть прозрачность и подотчетность в произ-

водство знания.

В этом случае объектом критики должна стать исследовательская ориентация на анализ больших данных алгоритмами (включая ИИ) для поиска закономерностей при минимальном участии теории. Сама идея алгоритмической рациональности опирается на имплицитную гипотезу о том, что достаточный объем данных и мощные алгоритмы способны выявлять объективные закономерности «сами по себе», снижая роль гипотез и теорий. Консервативное крыло философов крайне скептически настроено к этому подходу, провозглашая пришествие «цифрового концлагеря» [5]. Более умеренные стремятся к обоснованному анализу того, как распространение алгоритмических методов влияет на научное знание и научный метод. Например, М. Фрике подробно анализирует эпистемологические претензии «науки, движимой данными» (data-driven science). Он отмечает, что вера в способность больших данных самостоятельно порождать научные теории фактически возрождает дискредитированный индуктивизм [16]. Без выдвижения теоретических гипотез исследователи рискуют найти мнимые корреляции вместо причинного понимания. Фрике признает, что цифровые методы дают научному поиску новые возможности (большие выборки, непрерывная проверка моделей), но предупреждает: пассивный сбор и перебор данных не заменяет активный эксперимент и критическую проверку. Теория, по его мнению, нужна на каждом шаге; без нее «чисто» алгоритмическая наука превращается в опасную иллюзию [16].

Как видим, речь идет об опасности элиминации человека из научной деятельности, которое приведет к ее полной дегуманизации. Эту перспективу анализирует Е. Фишер в контексте анализа влияния алгоритмизации знания на сам статус познающего субъекта [15]. Алгоритмы все чаще генерируют знания автоматически, обходясь без активного участия человека, что не может не подрывать идеал Просвещения о субъекте, самостоятельно и критически постигающем мир. На этой основе возникает новая когнитивная парадигма, где знание становится продуктом вычислений, а роль человеческого понимания сокращается. Знание, полученное алгоритмами, отличается от критического знания модерна: оно не требует от индивида рефлексии и остается во многом неосмысленным. Если научное познание сместится в сторону подобных процессов без участия человека, может произойти «свержение» критической рациональности и тотальной утрате способности ставить знание под вопрос и осмыслять его в контексте. Такая угроза самим основам научного метода актуализирует философское переосмысление роли алгоритмов, сохраняющее центральное место человеческого разума в познании.

Аргументация Фишера обосновывает тезис

о вырождении научного метода без участия человека. Однако пока это скорее футурологическая перспектива, чем насущная проблема. Фронтиром сегодняшнего дня является дискуссия об осях применимости алгоритмической рациональности. В этом ключе Л. Разински анализирует утверждение, что алгоритмы могут «знать человека лучше, чем он сам» [23]. Алгоритмические модели, опираясь на *big data*, действительно способны предсказывать наше поведение весьма точно, но их знание остается внешним по отношению к субъективному опыту. Алгоритм оперирует данными, а не живыми переживаниями; он не обладает тем «внутренним» пониманием, которое человек имеет о себе, пусть и несовершенным. Человеческое самопознание принципиально ограничено и частично, поскольку люди никогда не знают себя полностью, и эта неполнота знания о себе является неотъемлемой чертой субъективности. Поэтому полное «знание» субъекта, формируемое цифровыми алгоритмами по цифровым следам, не может быть знанием в человеческом смысле. Алгоритм может вычислять, но не понимает, что он вычисляет, и как он сам связан с производимыми им вычислениями. Поэтому алгоритмическое «всеведение» не превосходит личное самопознание, будучи лишенным живого контекста сознания. Позиция Разински позволяет установить пределы алгоритмической рациональности: она способна обобщать факты, но без участия человеческого субъекта не постигает их смысла.

Еще более конкретной оказывается позиция С. Маальсен, которая обращает внимание на эпистемологические изменения, связанные с алгоритмами [21]. Ранее исследователи в основном критиковали алгоритмы за их вред и предвзятость, но Маальсен подчеркивает: не менее важно понять, как алгоритмы могут по-новому участвовать в производстве знания. Она вводит понятие «*algorithmic care*», ответственного обращения с алгоритмическими системами, когда ученые осознают их ограничения и основания, но используют как партнеров (со-исследователей) для открытия новых аспектов реальности [21]. Результатом алгоритмической заботы становится «эпистемологический разрыв», позволяющий рассматривать алгоритмы не только как инструменты, но и как активных участников исследования. Его ключевым условием является признание того, что знание, порождаемое алгоритмами, всегда частично и «ситуировано» в конкретных социальных и технических контекстах. Осознавая это, исследователи противостоят мифу о технической нейтральности и сохраняют критический контроль над тем, как инструменты влияют на процесс познания. В итоге Маальсен призывает интегрировать алгоритмы в науку ответственно и рефлексивно: как дополнение к человеческому анализу, а не его замену.

Изложенные точки зрения, репрезенти-

рующие умеренный алармизм, так или иначе могут быть сведены к резюмирующей позиции, согласно которой алгоритмические методы не должны восприниматься как замена традиционной научной рациональности, а лишь как новое дополнение к ней. Полярной является позиция Р.В. Пеннер, отстаивающей точку зрения, в соответствии с которой алгоритмическая рациональность должна пониматься как новая эпистемологическая призма, позволяющая человеку увидеть в этом мире иных, нечеловеческих, социальных актантов и совместить собственную критическую рефлексию, генерирующую научную рациональность, с оптимизирующей логикой алгоритмической рациональности [7]. На наш взгляд, эта полемика носит скорее количественный характер: сегодня это пока еще поколенческий спор между философами, воспитанными в культуре печатной книги и поколениями цифровых абorigенов. Фоновое влияние алгоритмической рациональности со стороны социальных практик повседневности сегодня испытывает почти каждый ученый и философ, каждый объективирует и передает студентам результаты своих профессиональных занятий с помощью цифровых инструментов, но пока далеко не каждый работает с ними внутри той деятельности, которая и составляет смысл существования его корпорации.

Субъект познания и пределы алгоритмического знания

Однако что значит познавать и заниматься наукой с помощью алгоритмов? Этот вопрос влечет за собой новую актуализацию кантовских вопросов о человеке и человеческом познании. Наука и научный метод не являются для человеческого мышления внешними феноменами, выступая для него исторически выработанной и институционально закрепленной формой. В этом смысле научное познание можно рассматривать как культивацию базовых когнитивных способностей человека, прошедших через процедуры дисциплинирования, формализации и коллективной проверки. Научный метод, не смотря на всю свою строгость и претензию на точность, не отменяет интуитивные, образные и внелогические механизмы мышления. Напротив, он встраивает их в устойчивую эпистемическую рамку, позволяющую преобразовать индивидуальный акт понимания в общественно значимое и воспроизводимое знание, и эти процессы детально разработаны и в психологии, и в философии.

Схематически их можно обозначить следующим образом. В основании научного мышления лежат универсальные когнитивные структуры, сформированные в ходе эволюции и повседневного опыта. Человек склонен мыслить образами, устанавливая причинно-следственные связи и переносить схемы понима-

ния из знакомых областей в новые контексты. Именно эти способности делают возможным первичное схватывание проблемы, построение гипотез и воображаемых моделей реальности. Образное мышление позволяет визуализировать абстрактные структуры, каузальное мышление ориентирует познание на поиск причин, а аналогия служит механизмом эвристического расширения знания. Научный метод не устраняет эти механизмы мышления, но преобразует их, вводя процедуры контроля, зафиксированные мертоновской формулой этоса науки.

Ключевым моментом в понимании науки как культивированной формы мышления является признание внелогичности открытия. История науки показывает, что формальная логика сама по себе не способна порождать новое знание. Она выступает инструментом проверки, обоснования и систематизации уже выдвинутых гипотез, но не их источником. Открытия часто возникают как внезапные интеллектуальные скачки, интуитивные прозрения. Эти внелогические элементы не являются дефектом научного познания, а, напротив, его продуктивным ядром. Научный метод лишь фиксирует границу между моментом открытия и моментом обоснования, позволяя перевести субъективный акт понимания в форму интерсубъективно разделяемого знания.

Во многом процедуры научного метода выполняют функцию объективизации субъективного мышления. Человеческое познание неизбежно ограничено индивидуальным опытом, когнитивными искажениями и локальностью наблюдений. Принципы объективности, воспроизводимости, экспериментальной проверки и фальсифицируемости компенсируют эти ограничения, создавая механизм коллективной корректировки знания. Интуитивные выводы подвергаются экспериментальной проверке, частные наблюдения обобщаются, а образные аналогии заменяются системным анализом. Тем самым научный метод не подавляет субъективность, а преобразует ее в контролируемый источник получения нового знания. Такое преобразование можно рассматривать как регрессию в сравнении с обыденным или художественным знанием, однако по факту речь идет о многоступенчатом контроле над ней через процедуры усиления научной объективности, собой в которых приводит к появлению лженауки [12], но которые сами подвергаются массовой экспансии неформальных цифровых практик создания знания [3].

Сегодня все чаще исследуются когнитивные процессы научного мышления в противоположность алгоритмическому познанию. Например, установлено, что успешное понимание научных текстов студентами связано с уровнем метакогнитивной компетентности, т. е. способности осознанно планировать,

контролировать и регулировать собственный мыслительный процесс [2]. Формирование такой компетентности предполагает, что научное мышление требует не только обработки информации, а саморефлексию собственных когнитивных стратегий, построения гипотез и интерпретации сложные текстовые структуры. В отличие от алгоритмического анализа данных, который выявляет шаблоны и корреляции, здесь именно человеческое осмысление, синтез различных фрагментов знания и саморефлексия выступают источниками глубокого понимания изучаемой области.

Когнитивные процессы человека включают динамические, контекстуально зависимые механизмы, которые меняются в зависимости от ситуации, эмоционального состояния, социальной роли и контекста. Такие аспекты алгоритмической обработки данных, как правило, игнорирует. Опираясь на формализованные модели и статистические зависимости, алгоритмы не могут приблизиться (во всяком случае, пока не могут — до появления так называемого сильного искусственного интеллекта) к синтетическому характеру человеческого мышления, включающего интуицию, знание контекста и креативность.

В цифровую эпоху эта связь между человеческим мышлением и научным методом претерпевает существенную трансформацию. Если в классической модели научного познания индивидуальный исследователь выступал центральным агентом выдвижения гипотез и интерпретации данных, то сегодня значительная часть «черновой» когнитивной работы передается алгоритмическим системам. Алгоритмы обнаруживают паттерны в больших массивах данных, выявляют корреляции и предлагают статистически значимые зависимости. Человеческое мышление при этом не исчезает, но смещается в область интерпретации, концептуализации и причинного объяснения, начиная оперировать масштабами обобщения, недоступными отдельному «невооруженному» разуму.

Эта ситуация, не смотря на все возможные риски, которые видятся авторам статьи принципиально преодолимыми, позволяет говорить о формировании гибридной когниции, в которой человеческая интуиция и алгоритмическая рациональность дополняют друг друга. Алгоритмы расширяют возможности науки, позволяя исследователям работать с уровнями сложности, недоступными индивидуальному мышлению.

Техногенез цифровой философии

Философия, еще в большей степени, чем наука, воспринимается человеческим делом, именно поэтому Д.В. Иванов противопоставляет бунт аутентичности алгоритмической рациональности [5]. Однако гибридизация философии и алгоритмической рациональности не

предполагает появления «философствующих роботов». Более того, существуют точки зрения, согласно которым само развитие нейросетей вполне встраивается в историческую эволюцию философской мысли [6].

Философия как дисциплина не является простым продуктом «естественных» когнитивных процессов, которые происходят в человеческом мозге. Скорее, она формируется в тесной взаимосвязи с техническими средствами, с помощью которых фиксируются, артикулируются и передаются мысли. Эта идея глубоко развита в работах Б. Стиглера, который подчеркивает, что письмо изначально было не просто способом передачи содержания, но технологией памяти, влияющей на сам способ мышления. Письменные практики формировали философию как дисциплину, поскольку способность фиксировать рассуждения позволяла развивать абстрактные концепции, систематизировать аргументацию и накапливать критическое знание. Согласно Стиглеру, буквенное письмо — это «технология памяти... мы превратили данную технику в нашу вторую природу и замечаем технологию только в видимых физических устройствах»¹. Именно эта технология памяти обеспечивала возможность для философии существовать как традиция дискурса, проверяемого поколениями мыслителей.

Стиглер также отмечает, что с переходом к аналоговым и цифровым технологиям памяти функции кодирования и декодирования стали частично переноситься на машины, что трансформирует отношения между отправителем, получателем и самим содержанием. В традиционной «литеральной» технологии отправитель и получатель совпадали с кодировщиком и декодировщиком: философ, пишущий трактат, одновременно формировал свою мысль и обеспечивал ее архивирование. В цифровой технологии эти функции могут разделяться: машина декодирует и воспроизводит смысл, а человек выступает уже не единственным носителем процесса формирования знания¹. Таким образом, философия не просто отражала человеческое мышление, но обеспечивала ему материализацию и институциональную память.

В другом эссе Стиглера философия определяется как «философская инженерия», т. е. деятельность, в которой техника не является нейтральной средой, а активным партнером, формирующим предмет мысли². В эпоху цифровых инструментов памяти и коммуникации философия сталкивается с трансформацией своей собственной инфраструктуры: от рукописной палимпсестности до цифрового гипермедиального пространства, где текст становится манипулируемым, многослойным и реконструируемым в реальном времени. В этих условиях философия уже не опирается ис-

¹ Стиглер, Б. Время чтения и новые инструменты памяти // Лаканалия. 2019. № 32. С. 142–166. С. 149.

² Там же.

ключительно на внутренние когнитивные механизмы, но вовлекает внешние материальные структуры, которые воздействуют на способы формирования, хранения и передачи идей.

В более широком историко-философском контексте исследование Р. Хасана и Т. Сазерленда показывает, как медиа всегда были определяющими для развития философии [17]. Их история медийной философии демонстрирует, что переход от устной традиции к письменной радикально изменил характер философского мышления; философы, изначально «учившие» своим системам мировоззрения в устной форме, постепенно адаптировали письменность к потребностям саморефлексии. Письмо — это не просто как канал, оно является средой, структурирующей содержание и его восприятие: изменение медиума неизбежно влечет за собой изменение самой мысли. Таким образом, философия как дисциплина исторически конституирована средствами записи и коммуникации, которые обеспечивали ее долговременное существование и развитие.

Алгоритмы изменяют способ фиксации, поиска и интерпретации философских текстов и концепций, поскольку сами становятся посредниками в доступе к знаниям. В цифровой среде философия перестает быть исключительно «письмом» и становится распределенной практикой, включающей вычислительные процессы, которые влияют на условия формирования аргументации, критики и интерпретации. Ее нельзя больше рассматривать как продукт только «естественных» методов мышления; она развивается в сотрудничестве с технологией, которая формирует ее предмет, методы и институциональную память.

На этой основе современные медиафилософы рассматривают цифровую философию как радикальное переосмысление философской традиции в условиях цифровой культуры. Одним из ведущих теоретиков, поднимающих вопрос о том, как философия в эпоху цифровых медиа должна переосмыслить собственные основания, методы и объекты исследования, является С. Крамер.

В сборнике «Was ist digitale Philosophie? Phänomene, Formen und Methoden» она с соавтором предлагает мультиперспективный взгляд на феномены цифровизации и на то, как они создают новую предметность философии. Цифровые философы должны выйти за рамки простого описания технологий, чтобы показать, что цифровой уровень не сводится к новому предмету философского анализа. Он является средой, влияющей на саму возможность философствования [19]. Аналитический интерес С. Крамер направлен на то, как такие явления, как интернет, искусственный интеллект и виртуальная реальность, создают новые условия для критического осмысления, включают цифровую структуру как часть философского опыта. Это означает, что цифровая

философия становится частью современного философского проекта, поскольку она обращает внимание на изменения не только содержания, но и формы мышления, интеллектуальных практик и способов взаимодействия с миром.

Новый контекст философии эпохи цифры предполагает обращение к таким аспектам современности, как этичность цифровой жизни, приватность, виртуальность, а также способы, при помощи которых философия может критически отражать субъективные и социальные изменения, возникающие под влиянием цифровых медиа, будь то блоги, комментарии, мемы, компьютерные игры и прочие цифровые формы объективации смысла. Все они выходят за рамки чувствительности подходов, рассматривающих цифровое только как инструмент или объект критики. Каждый из них позиционирует философствующего субъекта внутри цифрового контекста, обосновывая отказ от того, чтобы рассматривать философию как область, существующую отдельно от средств, при помощи которых осуществляется мышление и коммуникация. Таким образом, медиафилософы, объединенные вокруг концепции цифровой философии, трактуют ее как новую форму философской рефлексии, интегрированную в медийные процессы цифровой эпохи. Это подразумевает, что философия переосмысливает собственную сущность, методы и жанры высказывания, она обеспечивает то самопознание, которого, по мнению критиков алгоритмической рациональности, не достает машине.

Крамер развивает эту линию в эссе «Medienphilosophie des Digitalen», где она показывает, что философия долгое время недооценивала влияние медиа на становление философских категорий. По ее мнению, философия обязана анализировать цифровые медиа именно как условия возможности мышления, потому что цифровые технологии не только расширяют сферу философских вопросов, но и воздействуют на сам способ постановки вопросов и аргументации. В цифровой культуре такие категории, как пространство, время, знание и субъект, становятся не только объектами теоретического анализа, но и феноменами, трансформированными медийными условиями. Коль скоро цифровые медиа влияют на способы формирования знаний, их интерпретации, распространения и хранения, философы должны поставить перед собой задачу концептуального переосмысления собственных методов [18].

Выводы С. Крамер о техногенезе цифровой философии позволяют философам во всех разделах философского знания не ограничиваться рассмотрением цифрового как нового объекта философского анализа, а сосредотачиваться на совокупности технических условий, в которых трансформируется само философское мышление и конкретные формы философствования.

Методологические следствия цифрового техногенеза для социальной философии

Выдвинутое Крамер понимание цифровой философии может быть непосредственно эксплицировано на социальную философию как раздел философского знания. Если социальная философия традиционно анализировала общество через категории социального действия, социального института, власти и коммуникации, то в цифровую эпоху эти категории оказываются опосредованными алгоритмическими системами. Алгоритмы рекомендаций, ранжирования и фильтрации не просто отражают социальные процессы, но активно участвуют в их формировании, перераспределяя внимание, структурируя публичность и нормализуя определенные формы поведения. В этом смысле алгоритмы становятся элементами социальной онтологии, без учета которых описание современного общества оказывается неполным.

Как мы видели выше в аргументации Крамер, философия цифрового должна анализировать не столько медиальные образы и тексты, сколько логики операций, лежащие в основе цифровых инфраструктур. Перенос этой установки в социальную философию означает переход от интерпретации социальных смыслов к анализу формальных условий их производства. Социальность здесь понимается как результат взаимодействия человеческих практик и технических процедур, где алгоритмическая рациональность задает рамки коллективного опыта, коммуникации и знания. Таким образом, социальная философия в цифровую эпоху оказывается вынужденной учитывать техногенез собственных категорий, признавая, что общество все в большей степени конституируется не только символическими и институциональными структурами, но и алгоритмическими формами упорядочивания реальности.

В результате цифровая социальная философия может быть понята как расширение классической социальной философии, ориентированное на анализ социального бытия через исследование алгоритмов как механизмов конструирования социального знания, инструментов социального взаимодействия и источников коллективной идентичности. Такой тип философии неизбежно обращается к непосредственному применению цифровых инструментов для анализа социального, т. е. в качестве методов социального познания.

К последним ним можно отнести анализ цифровых следов, изучение информационных пузырей, цифровую этнографию, теоретическую цифровую социологию, цифровое моделирование социальных систем, а также концептуализацию цифрового общества (включая платформенный капитализм). Каждый из этих подходов не просто предоставляет новые инструменты, но и трансформирует предмет и

метод социальной философии, выдвигая собственные эпистемологические и онтологические допущения. Все они разрабатывались для решения прикладных задач социальных наук, но накопление опыта их использования приводит к универсализации и обобщению их правил и процедур. Рассмотрим их подробнее.

Анализ цифровых следов основывается на использовании данных, оставляемых людьми в цифровой среде (социальные медиа, поисковые запросы, электронные транзакции и пр.), для понимания социальных явлений. В отличие от классических опросов или интервью, цифровые следы представляют собой «нереактивные» данные, собираемые без непосредственного вмешательства исследователя в жизнь респондента. Внимание к ним обеспечивает более естественное отражение поведения, однако ставит вопросы о контексте и интерпретации таких данных. В этом ключе интересна методологическая дискуссия о месте больших данных в социальном познании [10], показывающая, как сочетание «реактивных» методов (опросов) с «нереактивными» цифровыми следами обогащает исследовательский дизайн. Цифровые следы могут выполнять разнообразные функции в прикладных социологических исследованиях — от дополнения и кросс-валидации результатов опросов до поиска новых индикаторов социальных процессов, социальные философы могут использовать их для выявления процессов социальной динамики и трансформации социальной структуры. Знание о социальном все больше опирается на алгоритмическое выявление корреляций в огромных массивах данных, что провоцирует дискуссии о соотношении теории и эмпирии. С одной стороны, возникает соблазн провозгласить наступление эпохи «конца теории», в которую больших данных с избытком хватает для того, чтобы делать выводы без предварительных концептуальных гипотез. С другой стороны, социальная философия указывает на необходимость интерпретации: цифровой след сам по себе ничего не означает до тех пор, пока он не вписан в контекст значений и целей человеческой деятельности. Онтологически анализ цифровых следов подразумевает взгляд на общество как на совокупность измеримых цифровых сигналов. Здесь социальная философия не только получает новый эмпирический материал, но и пересобирает само понимание социального факта и социального действия: являются ли «лайки», сетевые связи и онлайн-активность полноправными элементами социальной реальности? Как минимум, метод анализа цифровых следов трансформирует инструментарий социальной философии, приближая ее к данным повседневной жизни.

Феномен «информационных пузырей» (*echo chambers*) характеризует ситуацию, когда люди получают информацию из ограниченного круга источников, разделяющих их взгляды,

из-за алгоритмов персонализации контента и собственных когнитивных привычек. Анализ информационных пузырей обычно направлен на выявление механизмов такого самоизоляционного информационного пространства и поиск способов его преодоления. Например, в работе А. М. Дружинина и соавторов подробно описаны причины попадания индивидов в информационные пузыри и обоснована необходимость борьбы с ограниченностью восприятия, возникающей в результате этого феномена [4]. Авторы подчеркивают, что разрыв информационного пузыря возможен прежде всего за счет развития критического мышления. Философская интерпретация данного направления подчеркивает его связь с социальной эпистемологией и коммуникативной этикой. Информационный пузырь ставит под угрозу идеал общественного разума и открытого дискурса, о котором размышляли еще классики социально-философской мысли (например, Ю. Хабермас с его концепцией публичной сферы). В цифровую эпоху философам приходится пересматривать условия возможности рационального диалога: когда алгоритмы выдачи новостей подстраиваются под предпочтения, автономия субъекта познания сокращается. Методики критического анализа контента эхо-камер фактически расширяют метод социальной философии, вводя практики саморефлексии и логического анализа текста. Эпистемологически это означает, что знание рассматривается не просто как получаемое извне, но как результат активного отсеивания и осмысления информации самим субъектом. Онтологически же признается: социальная реальность дробится на множественные замкнутые информационные миры, задача социальной философии состоит в том, чтобы восстанавливать целостность восприятия, сохраняя при этом плюрализм.

Цифровая этнография — это адаптация классического этнографического подхода к условиям «оцифрованного» мира. Если традиционная этнография предполагала длительное «присутствие» исследователя в сообществе и погружение в его чужую культуру, то современный социальный мир все чаще существует одновременно офлайн и онлайн. С. Пинк и соавторы определяют цифровую этнографию как способ исследования, учитывающий, что мы живем и взаимодействуем в гибридной цифрово-материальной среде, и предлагают принципы работы с этой динамично меняющейся реальностью [22]. Исследователь может «присутствовать» среди информантов виртуально, через социальные платформы, участвовать в онлайн-общениях и наблюдать за культурами, складывающимися в цифровых пространствах. В такой новой методологической ситуации приходится пересматривать базовые понятия, формулируя новые ответы на вопросы о том, что такое поле исследования, если сообщество

распределено по всему миру в сети; кто такой информант, если идентичности в интернете могут быть анонимными или множественными; что означает участие и наблюдение, если значительная часть взаимодействия происходит через экран.

Методологически цифровая этнография расширяет горизонт социального познания: теперь опыт и данные собираются не только в физическом социокультурном контексте, но и в виртуальной среде. Цифровая этнография фактически утверждает, что цифровое бытие людей (их онлайн-существование, цифровые идентичности, сообщества в сети) давно стало полноценным элементом социальной реальности, требующим изучения наравне с офлайн-практиками. Методологию социально-философского исследования она расширяет за счет включения в интерпретацию смыслов такие аспекты их бытия, как мультимедийность, гипертекстуальность и сетевую связанность культурных артефактов.

Цифровая социология является относительно новой областью, возникшей на стыке социологии, информационных технологий и философии. Ее теоретическое ядро посвящено осмыслению влияния цифровых технологий на социальную жизнь и самим способам исследования общества в цифровую эпоху. По определению Д. Лаптон, цифровая социология включает несколько компонентов: использование цифровых инструментов в социологической практике, исследование влияния цифровых технологий на социальные феномены, критический анализ самих цифровых технологий и осмысление того, как люди воплощают («embody») цифровое в своей жизни [20]. Иными словами, речь идет не только о методе, но о целом комплексе теоретических подходов, признающих центральную роль интернета, социальных сетей, больших данных и алгоритмов в современном обществе.

Теоретическая цифровая социология трансформирует предмет социальной философии, вводя новые понятия и переосмысляя старые. К примеру, понятие самости («self») дополняется идеей «цифрового двойника» — совокупности данных о человеке, формируемой им самим и различными системами. Классические вопросы социальной теории о структуре и агентности приобретают цифровое измерение: агентами выступают не только люди, но и алгоритмы, платформы, AI-системы, что поднимает вопрос об их статусе в социальной онтологии. Структуры же проявляются не только в виде институтов и норм, но и в виде цифровых платформ, обладающих собственной логикой организации общества (например, социальные сети задают новые формы общения и самоорганизации сообществ).

Методология цифровой социологии опирается на императив о рефлексивности в использовании цифровых данных. Социальный фи-

лософ, работающий в этой парадигме, должен сознавать, как сами инструменты (от Google Trends до сетевого анализа) влияют на то, что и как он узнает об обществе. В рамках критического направления (которое подчеркивает Лаптон) исследуются вопросы власти и знания: кто владеет данными и алгоритмами, по каким логикам они функционируют, как цифровое неравенство (доступ к технологиям, разница в цифровой грамотности) воспроизводит социальное неравенство [20]. Таким образом, теоретическая цифровая социология добавляет социальной философии новый уровень анализа — мета-уровень, где изучается сам процесс цифровизации общества и его последствий.

Цифровое моделирование социальных систем подразумевает применение вычислительных моделей для представления и анализа сложных социальных процессов. Речь идет о таких методах, как агентно-имитационные модели, сетевой анализ, тематическое моделирование текстов и пр., т. е. всех тех подходах, которые позволяют с помощью компьютеров симулировать или выявлять шаблоны в социальных данных. Примером может служить исследование Н. В. Волковой и соавторов, в котором реализовано цифровое моделирование тематического поля исследований социального капитала разных поколений в организациях [13]. В более общем плане цифровое моделирование может использоваться для экспериментов *in silico*: например, проигрывание сценариев распространения информации в социальной сети, моделирование динамики общественного мнения, проверка гипотетических последствий введения той или иной политики на виртуальных агентах.

Философское осмысление этого направления затрагивает базовые вопросы методологии и онтологии социальных наук. При моделировании исследователь вынужден формализовать социальные явления, определить строгие правила и показатели, по которым работает модель, что равнозначно принятию ряда допущений о природе человека и общества. Например, агентные модели часто предполагают рациональность агентов, действующих по простому набору правил — тем самым опускают многие тонкие мотивационно-культурные аспекты реальной жизни. Здесь сталкиваются два подхода к знанию: редукционистский (уверенность, что сложное целое можно разобрать на части и просчитать) и интерпретативный (убеждение, что человеческое действие не сводимо к формальным правилам). Цифровое моделирование неизбежно приводит к продуктивному диалогу между ними.

Методологически данный метод подчеркивает важность прагматического критерия: модель ценна не сама по себе, а постольку, поскольку она что-то объясняет или предсказывает в социальном мире. Если модель выявляет скрытые закономерности или позволяет

предвосхитить развитие ситуации, это расценивается как новое знание о социальном. Онтологически же возникает образ общества как системы, поддающейся компьютерному представлению. Этот образ дополняет философскую традицию понимать общество через аналогии с организмом, механизмом или сетью — теперь добавляется метафора «программируемого» или «симулируемого» общества.

Наряду с прикладными методами, цифровая эпоха требует и концептуального осмысления нового типа общества, формирующегося на наших глазах. Социально-философские теории стремятся дать целостную картину цифрового общества, его структур, субъектов и противоречий. Так, Ю.А. Чернавин предлагает рассматривать цифровое общество как следующий этап постиндустриального развития, появившийся в недрах глобальной техногенной цивилизации [14]. В его модели основной формирования цифрового социума выступает конструкт «человек — знание — коммуникационные сети — компьютерная техника»: во взаимодействии этих элементов возникают новые цифровые институты (формальные и неформальные) в экономике, политике, культуре; формируется особая цифровая информационная сфера как структурный компонент общества; и в итоге складывается новый социальный строй, где действует человек особого типа — «информационный человек». Важно, что автор, используя неинституциональный подход, делает акцент на социальной детерминации: решающую роль в развитии цифрового общества играет сам человек как носитель знания и создатель технологий, а не безличные технические силы. Этот вывод служит напоминанием, что даже при бурной цифровизации субъективный фактор остается ключевым: от того, как люди решат использовать технологии, зависят контуры грядущей цивилизации.

Другой аспект концептуализации представлен анализом культуры цифрового общества. И.П. Салтанович предприняла попытку систематизировать существующие социологические подходы к изучению культуры в эпоху цифры [9], показывая, как различные исследователи по-разному описывают происходящие культурные сдвиги: одни акцентируют трансформацию коммуникативных практик (мгновенные коммуникации, сетевые сообщества, культура «шеринга» и перформативности в соцсетях), другие — изменение ценностно-нормативной структуры (цифровая свобода творчества vs. новые формы контроля и зависимости, например, от гаджетов), третьи — появление новых видов культурной продукции и идентичностей (киберспорт, виртуальные искусства, глобальные субкультуры, основанные на мемах и трендах). Сводя эти подходы, можно сказать, что цифровая культура характеризуется ускорением информационных обменов, размытием границ между высоким и низким, локальным и гло-

бальным, и постоянной изменчивостью норм и смыслов. Для социальной философии систематизация таких концепций важна, поскольку позволяет уловить парадигмальные изменения: например, переход от культуры текста к культуре аудиовизуальных потоков, от ценности приватности к культуре прозрачности и демонстративности, от линейных нарративов к мозаичной, гипертекстуальной картине мира. Онтологически цифровое общество мыслится здесь как виртуальная среда обитания человека, где культура неотделима от технологической платформы.

Наконец, неотъемлемой частью концепции цифрового общества является понимание его экономической основы — так называемого платформенного капитализма. Н. Срничек в своей работе раскрывает природу новой капиталистической логики, связанной с деятельностью цифровых платформ [11]. Платформы выступают как ключевые субъекты экономики, обладающие двойственной природой: с одной стороны, они предоставляют инфраструктуру для взаимодействий и услуг, с другой — аккумулируют огромные объемы данных, превращая их в главный ресурс и источник прибыли. Срничек указывает, что данные стали для современного капитализма тем же, чем ранее была нефть — базовым сырьем, за контроль над которым разворачивается конкурентная борьба [11]. Платформенный капитализм приводит к перестройке рынка труда (гига-экономика, удаленная занятость через платформы), созданию эффектов сетевой монополии и изменению отношений власти (владелец платформ приобретает беспрецедентное влияние на общество, располагая данными о миллиардах людей).

Философски концепт платформенного капитализма переопределяет категории справедливости, отчуждения и свободы в цифровую эпоху. Если классическая социальная философия критиковала индустриальный капитализм за отчуждение труда, то теперь мы говорим об отчуждении данных: пользователи невольно производят ценность (своими кликами, постами, перемещениями), которая присваивается платформой. Онтологически это поднимает проблему в сведения человека к набору эксплуатируемых информационных профилей, а эпистемически — к вопросу о субъектах контроля знания (алгоритмы ранжирования, ИИ-системы), по которым люди ориентируются. Социальная философия, осмысляя платформенный капитализм, все активнее вовлекается в междисциплинарный диалог с экономической теорией и этикой, пытаясь выработать понятия для описания этой реальности: «цифровой труд», «данные как капитал», «информационная справедливость» и т. д.

На этом основании можно зафиксировать контуры складывающейся цифровой философии цифрового общества. В ней общество мыслится как сложный гибрид технологиче-

ских инфраструктур и человеческих практик, экономика — как сфера, где информационно-коммуникационные технологии определяют базис производства и обмена, а культура — как пространство стремительной эволюции смыслов под влиянием глобальной сети. При этом само мышление опирается на цифровые научные методы. Для социальной философии такая парадигма предоставляет необходимый язык и рамки, чтобы описывать и критически оценивать изменения, происходящие с человечеством в цифровую эпоху.

Заключение

В целом социальная философия все больше опирается на конкретные цифровые факты и кейсы. Новые методы ставят под сомнение старые эпистемологические противопоставления. Грань между качественным и количественным исследованием размывается: цифровая этнография сочетает описания с анализом цифровых артефактов, а цифровое моделирование превращает качественные теории в формальные модели. Подобно этому, стирается разграничение между теорией и данными: теоретическая цифровая социология и концепции цифрового общества рождаются в диалоге с эмпирическими наблюдениями за цифровым миром, а анализ информационных пузырей сочетают философские ценностные рассуждения с прикладными рекомендациями для медиапрактики.

Наконец, все новые методы подчеркивают роль рефлексивности и критического подхода. Бурный технологический прогресс не отменяет необходимости философского контроля: требуется критически оценивать и большие данные, и информационные потоки (для сохранения рационального дискурса), и алгоритмические модели (осознавая их упрощения), и мощь платформ (ставя вопросы об ответственности и видах субъектности).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеева, Е. А. Проекты компьютерной эпистемологии / Е. А. Алексеева // Философия науки и техники. — 2023. — Т. 28, № 2. — С. 88–101. — DOI 10.21146/2413-9084-2023-28-2-88-101. — EDN FKKVAV.
2. Борзова, Т. В. Развитие метакогнитивных умений студентов вуза как ресурс понимания текстов в цифровом образовательном пространстве / Т. В. Борзова, Е. Н. Каменева-Любавская // Психолого-педагогические исследования. — 2025. — Т. 17, № 2. — С. 69–85. — DOI 10.17759/psyedu.2025170205. — EDN MCCXOL.
3. Гришечкина, Н. В. Гражданская экспертиза и научное знание в цифровую эпоху / Н. В. Гришечкина, С. В. Тихонова // Эпистемология и философия науки. — 2018. — Т. 55, № 2. — С. 123–138. — DOI 10.5840/eps201855233. — EDN XTFCJF.
4. Дружинин, А. М. Преодоление «информационного пузыря»: постановка задачи, методология, аналитическое чтение / А. М. Дружинин, Е. В. Иноземце-

ва, Ф. Н. Гуров // Ценности и смыслы. — 2022. — № 3(79). — С. 96–110. — DOI 10.24412/2071-6427-2022-3-96-110. — EDN VPBPCU.

5. Иванов, Д.В. Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности / Д.В. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2023. — №26. — Т. 3. — С. 7–35. — <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1>. — EDN: YLSMCN.

6. Махаматов, Т. М. Философские основания искусственного интеллекта / Т. М. Махаматов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2019. — Т. 9, № 4(40). — С. 52–56. — DOI 10.26794/2226-7867-2019-9-4-52-56. — EDN MLBDZJ.

7. Пеннер, Р. В. Алгоритмическая рациональность: во зло или во благо? / Р. В. Пеннер // Социологические исследования. — 2025. — № 10. — С. 31–38. — DOI 10.31857/S0132162525100035. — EDN DQEXZ.

8. Платонова, С. И. Эпистемологические трансформации науки в цифровую эпоху / С. И. Платонова // Манускрипт. — 2021. — Т. 14, № 8. — С. 1628–1631. — DOI 10.30853/mns210275. — EDN NKMBQZ.

9. Салтанович, И. П. Концепции культуры цифрового общества в современной социологии / И. П. Салтанович // Цифровая социология. — 2024. — Т. 7, № 1. — С. 26–31. — DOI 10.26425/2658-347X-2024-7-1-26-31. — EDN KITBDE.

10. Сапонова, А.В., Куликов, С.П. Интеграция опросных данных и цифровых следов: обзор основных методологических подходов / А.В. Сапонова, С.П. Куликов // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). — 2022. — № 53. — С. 117–164. — DOI: <https://doi.org/10.19181/4m.2021.53.4>. — EDN: LUWLVB.

11. Срничек, Н. Капитализм платформ. — М: Издательский дом ВШЭ, 2019. — 128 с. — ISBN 978-5-7598-1786-4. — DOI 10.17323/978-5-7598-1786-4.

12. Тихонова, С. В. Конкуренция науки и лженауки в эпоху постправды / С. В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2018. — Т. 18, № 3. — С. 287–291. — DOI 10.18500/1819-7671-2018-18-3-287-291. — EDN YABQVF.

13. Цифровое моделирование тематического поля изучения социального капитала поколений в организациях / Н. В. Волкова, А. К. Бордунос, В. А. Чикер [и др.] // Социальная психология и общество. — 2025. — Т. 16, № 1. — С. 5–27. — DOI 10.17759/sp.2025160101. — EDN TVOELB.

14. Чернавин, Ю. А. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы / Ю. А. Чернавин // Цифровая социология. — 2021. — Т. 4, № 2. — С. 4–12. — DOI 10.26425/2658-347X-2021-4-2-4-12. — EDN BWBHIE.

15. Fisher, E. Algorithms and Subjectivity: The Subversion of Critical Knowledge / E. Fisher. — London: Routledge, 2021. 130 p. — ISBN 978-1000545999. — DOI: 10.4324/9781003196563.

16. Frické, M. Big Data and Its Epistemology / M. Frické // Journal of the Association for Information Science and Technology. — 2014. — Vol. 66. — Iss. 4. — P. 651–661. — DOI 66. 10.1002/asi.23212.

17. Hassan, R., Sutherland, T. Philosophy of Media. A Short History of Ideas and Innovations from Socrates to Social Media / R. Hassan, T. Sutherland. — New York: Routledge, 2016. — 263 p. — ISBN 9781138908338. — DOI 10.4324/9781315515618.

18. Krämer, S. Medienphilosophie des Digitalen: Warum und wie die Philosophie über das Digitale reflektieren sollte, aber dies so wenig tut / S. Krämer // Was ist digitale Philosophie? Phänomene, Formen

und Methode. — Series: Philosophia Digitalis, Volume: 1. — Leiden: Brill | mentis, 2024. — S. 3–30. — DOI 10.30965/9783969752975_002.

19. Krämer, S., Noller, J. Was ist digitale Philosophie? Phänomene, Formen und Methode / S. Krämer, J. Noller. Series: Philosophia Digitalis, Volume: 1. — Leiden: Brill mentis, 2024. — 274 s. — ISBN: 978-3-95743-297-1. — DOI 10.30965/9783969752975

20. Lupton, D. Digital sociology. — Abingdon: Routledge, 2015. — 236 p. — ISBN 9781138022775. — DOI 10.4324/9781315776880.

21. Maalsen, S. (2023). Algorithmic epistemologies and methodologies: Algorithmic harm, algorithmic care and situated algorithmic knowledges / S. Maalsen // Progress in Human Geography. — 2023. — Vol. 47(2). —P. 197–214. — <https://doi.org/10.1177/03091325221149439>. — EDN SNLFMA.

22. Pink S., Horst H.A., Postil J., Hjorth L. Ethnography in a Digital World / S. Pink, H.A. Horst, J. Postil, L. Hjorth // Digital Ethnography: Principles and Practices. — London: Sage, 2016. — P. 18–37. — ISBN 978-1-4739-4324-7. — DOI 10.4135/9781473943247.

23. Razinsky, L. Better than they know themselves? Algorithms and Subjectivity / L. Razinsky // Subjectivity. — 2023. — Vol. 30(4). — P. 394–416. — DOI 10.1057/s41286-023-00174-7. — EDN NOHRYA.

24. Ruvo, G. (2024). Algorithmic Objectivity as Ideology: Toward a Critical Ethics of Digital Capitalism / G. Ruvo // Topoi. — 2024. — Vol. 44. — P. 175–186. — DOI 10.1007/s11245-024-10117-9.

REFERENCES

1. Alekseeva, E.A. (2023) Curriculum in Epistemology. *Philosophy of Society and Technology*, vol. 28, no. 2, pp. 88–101. DOI 10.21146/2413-9084-2023-28-2-88-101. <https://elibrary.ru/fkkvaw>.

2. Borzova, T.V., Kameneva-Liubavskaya, E. N. (2025) Development of metacognitive skills of university students as a resource for understanding texts in the learning process. *Psychological-Educational Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 69–85. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2025170205>. <https://elibrary.ru/mccxol>.

3. Grishchikina, N.V., Tikhonova, S.V. (2018) Civil expertise and scientific knowledge in the digital era. *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 55, no. 2, pp. 123–138. <https://doi.org/10.5840/eps201855233>. <https://elibrary.ru/xtfcjf>.

4. Druzhinin, A.M., Inozemtseva, E.V., Gurov, F.N. (2022) Overcoming the “information bubble”: problem definition, methodology, analytical reading. *Values and Meanings/Tsenosti i Smysly*, vol. 3 (79), pp. 96–110. <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2022-3-96-110>. <https://elibrary.ru/vpbpcu>.

5. Ivanov, D.V. (2023) Critical theory of digitalization: algorithmic rationality domination and authenticity revolt. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, vol. 26, no. 3, pp. 7–35. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1>. <https://elibrary.ru/yysmcn>.

6. Makhamatov, T. M. (2019) Philosophy of artificial intelligence. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, vol. 9, no. 4 (40), pp. 52–56. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-52-56>. <https://elibrary.ru/mlbdzj>.

7. Penner, R.V. (2025) Algorithmic rationality: for evil or for good? *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, vol. 10, pp. 31–38. <https://doi.org/10.31857/S0132162525100035>. <https://elibrary.ru/dqqexz>.

8. Platonova, S.I. (2021) Epistemological Transformations of Science in Digital Age. *Manuscript*, vol.14, no. 8, pp. 1628-1631. <https://doi.org/10.30853/mns210275>. <https://elibrary.ru/nkmboz>.
9. Saltanovich, I. P. (2024) Concepts of culture of digital society in contemporary sociology. *Digital Sociology*, vol. 7, no. 1, pp. 26–31. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-1-26-31>. <https://elibrary.ru/kitbde>.
10. Saponova, A.V., Watvegel, S.P. (2022) Integration of survey data and digital footprints: an overview of the main methodological approaches. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, no. 53, pp. 117–164. <https://doi.org/10.19181/4m.2021.53.4>. <https://elibrary.ru/luwlvb>.
11. Srnicek, N. (2019) Platform Capitalism. Moscow, Higher School of Economics, 128 p. ISBN 978-5-7598-1786-4. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1786-4>.
12. Tikhonova, S.V. (2018) The Competition Between Science and Pseudoscience in the Post-truth Era. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, vol. 18, no. 3, pp. 287–291. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-287-291>. <https://elibrary.ru/yabqvf>.
13. Volkova, N. V. et al. (2025) Digital Modeling for Scoping Review in Studying Intergenerational Social Capital in Organizations. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, vol. 16, no. 1, pp. 5–27. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160101>. <https://elibrary.ru/tvoelb>.
14. Chernavin, Yu. (2021) Digital society: theoretical outlines of the emerging paradigm. *Digital Sociology*, vol. 4, no. 2, pp. 4–12. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-2-4-12>. <https://elibrary.ru/bwbhie>.
15. Fisher, Eran (2021). Algorithms and Subjectivity: The Subversion of Critical Knowledge, London, Routledge, 130 p. ISBN 978-1000545999. <https://doi.org/10.4324/9781003196563>.
16. Fricke, M. (2014) Big Data and Its Epistemology. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, vol. 66, iss. 4, pp. 651–661. <https://doi.org/10.1002/asi.23212>.
17. Hassan, R., Sutherland, T. (2016) Philosophy of Media. A Short History of Ideas and Innovations from Socrates to Social Media, New York, Routledge, 263 p. ISBN 9781138908338. <https://doi.org/10.4324/9781315515618>.
18. Krämer, S. (2024). Medienphilosophie des Digitalen: Warum und wie die Philosophie über das Digitale reflektieren sollte, aber dies so wenig tut. Was ist digitale Philosophie? Phänomene, Formen und Methode, Series: Philosophia Digitalis, Vol. 1, Leiden: Brill mentis, 2024, s. 3–30. https://doi.org/10.30965/9783969752975_002.
19. Krämer, S., Noller, J. (2024) Was ist digitale Philosophie? *Phänomene, Formen und Methode, Series: Philosophia Digitalis*, Volume: 1, Leiden: Brill mentis, 274 s. ISBN 978-3-95743-297-1. <https://doi.org/10.30965/9783969752975>.
20. Lupton D. (2015) Digital sociology. Abingdon: Routledge, 236 p. ISBN 9781138022775. <https://doi.org/10.4324/9781315776880>.
21. Maalsen, S. (2023). Algorithmic epistemologies and methodologies: Algorithmic harm, algorithmic care and situated algorithmic knowledges. *Progress in Human Geography*, vol. 47(2), pp. 197–214. <https://doi.org/10.1177/03091325221149439>. <https://elibrary.ru/snlfma>.
22. Pink S., Horst H.A., Postil J., Hjorth L. (2016) Ethnography in a Digital World. In *Digital Ethnography: Principles and Practices*, London: Sage, pp. 18–37. ISBN ISBN 978-1-4739-4324-7. <https://doi.org/10.4135/9781473943247>.
23. Razinsky L. (2023) Better than they know themselves? Algorithms and Subjectivity. *Subjectivity*, vol. 30(4), pp. 394–416. <https://doi.org/10.1057/S41286-023-00174-7>. <https://elibrary.ru/nohrya>.
24. Ruvo, G. (2024). Algorithmic Objectivity as Ideology: Toward a Critical Ethics of Digital Capitalism. *Topoi*, vol. 44, pp. 175–186. <https://doi.org/10.1007/s11245-024-10117-9>.

For citing: Tikhonova, S. V., Melnichuk, D. V. (2026) Digital epistemology in social philosophy. *Sotsium i vlast/Society and Power*, 23 (1), pp. 115–128. <https://elibrary.ru/xysmjp>.

SCIENTIFIC ARTICLE

EDN VPHTV
HAC (Higher Attestation Commission) 5.7.7
UDC 101.8 + 303.01

DIGITAL EPISTEMOLOGY IN SOCIAL PHILOSOPHY

Sophia V. Tikhonova,

Saratov State University
Professor, Department of Theoretical
and Social Philosophy,
Head of the Educational and Research Laboratory
“TSIFRA”,
Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor.
Saratov, Russia.
SPIN 3813-6641
ORCID 0000-0003-2487-3925
Scopus 57191089147
Researcher 2386-2016
E-mail: segedasv@yandex.ru

Dmitry V. Melnichuk,

Saratov State University
Associate Professor, Department
of Function Theory and Stochastic Analysis,
Cand.Sc. (Physics and Mathematics).
Saratov, Russia.
SPIN 6699-7775
ORCID 0000-0002-6689-8904
Scopus 57194535264
Researcher 4784-2024
E-mail: mlnchkdv@gmail.com

ABSTRACT

Introduction. The article examines digital epistemology as a factor transforming social philosophy under conditions of the algorithmization of knowledge and the platform-based organization of sociality. Digital technologies change not only the forms of knowledge production and verification but also the conditions of social being within which knowledge acquires normative force. Algorithms, databases, and network infrastructures function as epistemic mediators of selection, ranking, and legitimation, thereby shifting the analytical focus from classical categories of subject, action, and institution to distributed epistemic processes and hybrid agencies. On this basis, the boundary between the social and the technical is problematized, and the role of computational procedures in shaping regimes of visibility, relevance, and trust is clarified.

The aim of the article is to demonstrate how the concept of digital epistemology redefines the subject matter and method of social philosophy by revealing algorithmic mediation as a condition of contemporary knowledge and sociality, as well as a factor of power and inequality.

Materials and Methods. The study is based on analytical and theoretical reconstruction and a critical review of positions in philosophy of science, social philosophy, and media philosophy concerning algorithmic rationality, data-driven approaches, and digital philosophy. The methods employed include conceptual analysis, comparative examination of arguments, and the identification of implicit normative assumptions underlying digital knowledge.

Results. It is shown that data-driven practices intensify the shift from causal explanation to correlational dependencies and require new criteria of meaningfulness and responsibility of knowledge. The article concludes that social philosophy must analyze algorithms both as elements of social ontology and as methodological instruments, while preserving critical rationality, contextualization, and ethical accountability of digital procedures.

Discussion. The transformation of the subject is described through the model of hybrid cognition, in which human interpretation, metacognition, and the non-logical character of discovery remain conditions of understanding, while algorithms establish infrastructural regimes of sociality. The technogenesis of philosophy is interpreted as a transition from writing to algorithms, altering the forms of philosophical reflection.

KEYWORDS

digital epistemology,
social philosophy,
algorithmic rationality,
hybrid cognition,
scientific method,
data-driven science,
digital philosophy,
social ontology

FUNDING

The research was funded by the Russian Science Foundation № 25-28-03014, <https://rscf.ru/project/25-28-03014/>

DECLARED CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The authors participated in developing the research concept, collecting, processing and analyzing the data, writing the text of the manuscript, and formulating conclusions. All the authors have read and approved the final version of the manuscript.

CONFLICT OF INTEREST

The authors declare that there is no conflict of interest.

USE OF AI TOOLS

The authors declare that no generative artificial intelligence tools were used while writing the article.

Article received: 23.12.2025

Reviews received: 12.02.2026

Accepted for publication: 20.02.2026

Copyright: © Tikhonova S. V., Melnichuk D. V. (2026).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPA.

Open access under CC BY-N